

Title	Литературная критика массовых периодических изданий (Роль и место в литературном процессе 1880-х—1900-х гг.)
Author(s)	Александров, Александр
Citation	Acta Slavica Iaponica, 40, 43-64
Issue Date	2020
DOI	https://doi.org/10.14943/ASI.40.43
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/84133
Type	departmental bulletin paper
File Information	40_03_pp.43-64.pdf

Литературная критика массовых периодических изданий (Роль и место в литературном процессе 1880-х – 1900-х гг.)¹

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВ

ВВЕДЕНИЕ

1890-е – начало 1900-х гг. — период окончательного формирования и расцвета особого типа литературной критики — так называемой «фельетонной критики», получившей широкое распространение в массовых периодических изданиях этого периода: прежде всего в газетах, а также еженедельниках. В ряду других парадигм (символистская, марксистская, имманентная, народническая и пр.) эта критика занимает важное место в системе литературного поля эпохе *fin de siècle*, однако до сих пор остается явлением малоизученным и недооцененным.

Литературная критика массовых периодических изданий в научных работах историков литературы, признавших это направление своеобразным и самостоятельным явлением русской литературы конца XIX начала XX, чаще обозначается общим определением «фельетонная критика». Г.М. Фридлиндер, рассуждая о развитии русской критики 90-х годов XIX века до 1917 г., писал следующее: «Характерной чертой буржуазной печати 1900-х годов было то, что <...> появляется тип критика-фельетониста, тесно связанного с газетой, работающего с сознательным учетом “злости дня” и интересов широкой публики, пишущего свои статьи в хлесткой, остроумной манере <...>. К числу таких критиков-фельетонистов принадлежал А.А. Измайлов, а также молодой К.И. Чуковский».² Определение прочно закрепилось в историко-литературном научном дискурсе и служит для обозначения литературно-критической продукции, тесно

1 Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-012-00033 А «Публицистическое наследие А.В. Амфитеатрова 1917–1920-х гг.».

2 История русской критики. Т. II. М.; Л., 1958. С. 425–426. Ср. также: «Одной из характерных примет 1900–1910-х годов было то, что рядом с профессиональными литературными критиками, связанными с научной, академической средой, с публицистикой разных партий, появляется особый тип *критика-фельетониста*, активно печатавшегося на страницах массовых иллюстрированных журналов и многотиражных газет» (История русской литературной критики / Под ред. В.В. Прозорова. М., 2002. С. 210). О фельетонной критике см. также: *Рейтблат А.И.* Фельетонист в роли мемуариста // *Рейтблат А.И.* Писать поперек. М., 2014. С. 356–371; K. Dianina, *When Art Makes News: Writing Culture and Identity in Imperial Russia* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013), pp. 86–89.

связанной с массовой периодической печатью. Однако всесторонний анализ этой парадигмы литературной критики еще не становился объектом специального исследования: не определен генезис понятия «фельетонная критика», типологические особенности, специфика, а также значение и роль этого явления в литературном процессе в начале XX века и пр. Настоящая статья призвана отчасти восполнить обозначенные лакуны, не претендуя на исчерпывающий анализ обозначенного явления.

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ФЕЛЬЕТОНА В 1860-х – 1880-х гг.

Фельетон в отечественной периодике получает распространение с конца 1840-х гг. В это время этот жанр не был строго детерминирован и под ним понимались годовые и месячные обзоры литературы, публикации «без прочной, строгой, ясно и подробно развитой эстетической теории», а так же «пламенные и изящные, шутливые и скучные, высокопарные и озлобленные, задорные, скучные и забавные»³ материалы. По мнению Б.Ф. Егорова, анализировавшего развитие литературной критики 1850–1860-х гг., фельетон как жанр газетно-журнальной публицистики окончательно оформился в отечественной литературе с середины XIX века и, согласно его формулировке, превратился «в живой рассказ о чем угодно: о погоде, о психологии, о фактах европейской и русской жизни, главным образом анекдотического характера».⁴

В газетах 1860–1870-х гг. получает широкое распространение публицистический фельетон, с середины 1870-х гг. возрастает его роль в информационном пространстве, в результате чего он становится главным жанром массовой периодики. Яркие публицисты-фельетонисты определяют лицо газеты, а за наиболее талантливыми мастерами этого жанра в среде издателей ведется настоящая борьба. В этот период фельетон воспринимается как материал, который «резюмирует все новости и скандалы». Газета «Молва» отмечает: «Фельетоны превратились как бы в критерий каждого ежедневного издания. Издатели стали перебивать друг у друга бойких фельетонистов и подняли их гонорарий до небывалых у нас размеров...».⁵ Понимание фельетона как жанра массовой периодики, качественными отличительными признаками которого являются новостной, а подчас и сенсационный характер, выразительный, яркий стиль повествования, не лишенный подчас сатирической направленности, с вплетением в ткань текста анекдотических и пародийных элементов, прочно сложилось в отечественной истории литературы. Предметами об-

3 Дружинин А.В. Собр. соч. Т. VI. С. 597–598, цит. по: Егоров Б.Ф. О мастерстве литературной критики: Жанры. Композиция. Стил. Л., 1980. С. 158.

4 Там же. С. 159.

5 Молва. 1876. № 16. С. 302–303.

суждения публицистического фельетона в газетах 1870-х гг. становятся и литературные темы: книжные новинки, актуальные вопросы текущих литературных событий, появление новых художественных произведений. В этот период фельетонисты — это публицисты-универсалисты, литераторы, которые в прессе выступали в самых разных амплуа: в роли критиков, публицистов, политических обозревателей и даже беллетристов.

Одним из ведущих фельетонистов-универсалистов был А.С. Суворин, которому принадлежит особая роль в развитии газетного фельетона. Он же в одной из своих статей сформулировал свое понимание этого жанра, пережившего в конце 1870-х — начале 1880-х гг. существенную трансформацию: «Фельетон...совсем не то, что он был прежде: это не болтовня о благотворительных балах и концертах, о великосветских вечерах, о загородных гуляниях, о всем том, о чем сказать нечего. Недаром одна газета жаловалась, не щадя крепких слов на мой счет, что фельетон забрал в свое ведение то, что должно составлять сущность передовых статей...Фельетон является подспорьем статей и для занятого, погруженного в мелочи жизни человека, пересказывает в легкой форме то, что никогда не лень прочитать ему в форме фельетона <...> Длинные философские трактаты — дело книг, а не газеты, которая должна удовлетворять насущный день и возможно большее число читателей, стоящих на разных ступенях развития».⁶

Именно А.С. Суворину, который сначала в «Санкт-Петербургских ведомостях», а затем и в «Новом времени» ведет постоянный фельетон, посвященный вопросам театра, политике, литературе, принадлежат заслуги в существенном обновлении этого раздела массовой периодики. В «Недельных очерках и картинках», а затем и в «Маленьких письмах» еженедельно Суворин умел находить «в потоке каждодневных событий животрепещущие темы», тем самым ему «удавалось вести непрерывный диалог с читателем, заинтересованно следившим за его публикациями».⁷ По мнению биографа А.С. Суворина, именно он «модернизировал удачно найденную формулу: он объединил привычным для читателя заголовком написанные в единой манере различные по сюжету произведения».⁸

Публицистический фельетон, получивший широкое распространение в массовой периодике второй половины XIX века, становится той основой, из которой выкристаллизовывается критический фельетон, к 1880-м годам ставший самостоятельным разделом в массовой периодике. Уже с середины 1880-х гг. в период господства в многотиражных периодических изданиях А.В. Авсеенко, Е.Л. Маркова, Б.М. Маркевича, В.В. Чуйко, В.П. Буренина, А.М. Скабичевского определение «фельетонная критика»,

6 *Незнакомец*. Недельные очерки и картинки: Элегия на тему «Прощаюсь, ангел мой, с тобою...» // С.-Петербургские ведомости. 1874. 29 дек.

7 *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин: Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 115.

8 Там же.

обозначающее литературно-критические материалы о новостях современной литературной жизни, получает широкое хождение. Например, Д. Рудин в статье «Курьезы и раритеты родимой прессы»,⁹ посвященной полемике между Бурениным и Скабическим, разгоревшейся в связи с их печатными выступлениями в прессе по поводу смерти Надсона, относит двух известных авторов газетного мира к представителям «фельетонной критики», указывая также на разрушительное влияние их на современную литературу: «Несомненно, что фельетонная критика была одною из существенных причин оскудения беллетристической литературы за последнее время. Она естественно понизила уровень требования от писателей <так!>, лишила их какого-либо путного руководства, приучила их к скороспелому труду, приучила их прямо презирать указания подобных критиков».¹⁰ О «фельетонной критике» пишет Л.Е. Оболенский (*Созерцатель*)¹¹ в статье «Обо всем» в журнале «Русское богатство», отмечая свое «первое знакомство с русскою фельетонною критикою» и указывая на всевозрастающее значение этой продукции на мнения читателей: «А, ведь, их читают десятки тысяч. По ним складываются мнения публики о книгах и авторах, благодаря им книга может иметь успех или неуспех, они раздают имена, славу, или покрывают насмешками и позором».¹²

На Скабичевского как представителя «фельетонной критики» сетует Мамин-Сибиряк в письме к А.С. Маминой от 30 марта 1886 г.,¹³ это понятие для обозначения газетных выступлений употребляет Л.Е. Оболенский в «Критическом обозрении» «Русского богатства»¹⁴ и т.д. В эти же годы определение «фельетонная критика» соседствует с понятием «фельетонный обозреватель», обозначающим те же явления в информационном пространстве.

Таким образом, к 1890-м годам понятия «фельетонная критика» и

9 Рудин Д. Курьезы и раритеты родимой прессы: (Рыцари печатного образа: гг. «Читатель», Минский и Скабический. Надсон и психопатическая критика. Письма графини Лиды. Г. «Созерцатель» в руках «силы». Два напутственных слова г. Буренину) // Дело. 1887. № 6. С. 81–96.

10 Там же. С. 93–94.

11 *Созерцатель* [Оболенский Л.Е.]. Обо всем: (критические заметки) // Русское богатство. 1887. № 7. С. 90–99.

12 Там же. С. 99.

13 См.: «Как я уже писал раньше, мой роман встречен Скабическим в “Новостях” очень неприязненно <...>. Могу сказать только одно, что Скабический глубоко неправ относительно моего романа, да ему и не понять ничего нового, потому что эта фельетонная критика жует и пережевывает старую жвачку, которую давно пора бросить к черту» (*Мамин-Сибиряк Д.Н.* Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 10. М., 1958. С. 366).

14 См.: *Оболенский Л.Е.* Обо всем: (Критическое обозрение). Молодые таланты: г. Чехов и Короленко. — Сравнение между ними. — Творчество от живой жизни и творчество от поэтических эмоций «бывалого». — Мнение Макса Нордау, и его односторонность. — Ответ г. Михайловскому на его сегование. — Реклама «Недели» // Русское богатство. 1886. № 12. С. 166–196.

«критик-фельетонист» прочно вошли в широкое словоупотребление для обозначения явлений тесно связанных с массовой периодикой. На рубеже веков они стойко ассоциировались с невысоким качеством материалов; представители этого направления в журналистике нередко подвергались негативным оценкам со стороны критиков ежемесячных журналов, постепенно теряющих пальму первенства в борьбе за читателя и ревностно относящихся к народившемуся явлению. Основными маркерами этого направления в критике стали хлесткая и остроумная манера письма, вплетение пародий в критические тексты, полемичность, подчас откровенно скандальный характер публикаций.

Критики толстых журналов, негативно оценивающие новое явление в информационном пространстве, связывали с газетными обозревателями весьма сомнительные достижения. Например, Буренину — наиболее яркому представителю газетной критики 1880-х – 1890-х гг., вменялось в вину внедрение новой поэтики с элементами эпатажа и ориентацией на скандал. Литературный критик журнала «Дело», обращаясь к ведущему рубрики «Литературные очерки» в «Новом времени», писал: «Кто же, как не вы, обратили ваши таланты на то, чтобы развить в публике вкус к скандалу, чтобы она, развертывая вашу газету, искала глазами пряного сообщения, надругательства над чьей-нибудь личностью, скандального анекдота, “маленького фельетона”; — чтобы она, встречая подпись “Алексис Жасминов” — уже предвкушала пасквиль?!»¹⁵

Уже начиная с 1880-х гг. (в ряде случаев и раньше) в период бурного развития информационного поля Российской империи и многотиражных массовых изданий появляются фельетонные разделы газет, полностью посвященные литературной критике. В начале XX века такие разделы в крупных изданиях стали нормой. В.П. Буренин в «Новом времени» с конца 1870-х вплоть до закрытия в 1917 г. ведет «Критические очерки» и «Литературные очерки»; Ю.Н. Говоруха-Отрок в «Московских ведомостях» — «Литературные заметки», А.А. Измайлов в «Биржевых ведомостях» — «Литературное обозрение», В.Ф. Боцяновский в «Руси» — «Критические наброски», В.А. Поссе в «Слове» — «Очерки современной литературы», П.М. Пильский — «Портреты тушью», С.В. Потресов в «Русском слове» — «Мои записки», А.Г. Горнфельд в «Нашей жизни» — «Литературные беседы», К.И. Чуковский в «Одесских новостях» (и др. издания) — «Заметки читателя» и т.д.

Таким образом, с середины XIX века происходит процесс усложнения и стратификации профессии журналиста. Дифференциация должностных обязанностей сотрудника газеты выдвигает на определенные позиции в массовой периодике критика-фельетониста, призванного вести еженедельную рубрику, освещать литературные события, откликаться на появление книжных новинок. Должность критика-фельетониста

15 Рудин Д. Курьезы и раритеты родимой прессы // Дело. 1887. № 6. С. 95.

становится постоянной в штатном расписании крупных газет и еженедельников, а критический фельетон становится неотъемлемым разделом массового издания.

РАЗВИТИЯ РЫНКА СВОБОДНОЙ ПРЕССЫ И СТРУКТУРА ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

Выдвижение литературно-критического фельетона на лидирующие позиции в информационной системе рубежа веков становится возможным по целому ряду глобальных причин, происходивших не столько в системе прессы, сколько в публичной сфере. Наметившиеся в обществе тектонические сдвиги, проявившиеся в ускорение темпа жизни, мощнейшем развитии городов и городской инфраструктуры, росте промышленного производства, увеличившейся грамотности городского и сельского населения, бурном развитии массовой культуры — все эти глобальные процессы модернизации страны, отразившиеся во всех областях жизни, — во всей полноте проявились также в информационном поле.

В процессе развития рынка свободной прессы менялась и структура читательской аудитории, в условиях ускорившегося темпа жизни образовался читатель, требовавший краткой, оперативной сжатой информации. Современники, рассуждавшие о появлении нового читателя начала XX века и о путях развития русской журналистики, в афористичных формулировках констатировали одни и те же процессы: А.А. Измайлов усматривал в «лихорадочно живущем веке» рождение «нового» «почтывающего читателя», насыщаемого летучими газетными фельетонами;¹⁶ Чуковский считал начало XX века временем, когда «вместо книги — газеты, вместо журналов — случайные альманахи, вместо науки — брошюры»;¹⁷ В.М. Дорошевич в фельетоне «Профессор Маркевич» со всей категоричностью заявил: «Голубушка, длинного не читают».¹⁸ В своих определениях критики отмечают увеличение спроса на оперативную, ежедневную информацию, поставляемую газетами и еженедельниками, — и как результат ослабление интереса к многостраничной и обстоятельной информации.

И.В. Лукьянова в биографии К.И. Чуковского, анализируя статьи критика о городской и массовой культуре начала XX века, резюмирует: «...горожанин ни к чему не прилепляется душой. У него нет философии, нет системы, нет направления; все одинаково интересно, одинаково привлекательно — и случайно. Здесь Чуковский пока говорит о приспособ-

16 Измайлов А.А. Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. 12 ноября. (№ 309). С. 1–3.

17 Чуковский К.И. О короткомыслии // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 6. С. 538.

18 Дорошевич В.М. Профессор Маркевич // Собр. соч. Т. IV. Литераторы и общественные деятели. М., 1905. С. 96.

бляемости души горожанина, равной готовности принимать все, “что ни бросит ему жизнь”, о равнодушии городского человека. Но уже в ближайших его статьях из этой мысли вырастет другая, и критик заговорит о случайности всех верований и убеждений, об отсутствии принципов и позиций, о готовности верить во все сразу, — о том, что он называл мозаичностью убеждений, короткомыслием, отсутствием фанатизма. Важно было не только отметить факт, но и обратить внимание на его следствия: неизбежную поверхностность, массовость, механистичность литературы, стереотипность приемов. Чуковский фактически первым в России и одним из первых в мире обратил внимание на те изменения, которые происходят в сознании жителя мегаполиса, — то, что мы сейчас называем “информационной перегруженностью”, “клиповым сознанием” и т.п.¹⁹

Эти глобальные перемены отразились на всем литературном процессе: в художественной литературе господствовавший в XIX веке роман вытесняется на рубеже веков камерной прозой — рассказом и повестью, новое звучание в XX веке приобретает поэзия; в публицистике и критике аналитическая статья уступает место фельетону.

Именно «новый» читатель формирует спрос на информационную продукцию. Статистические сведения, уже широко применявшиеся на рубеже XIX начала XX вв. четко фиксируют изменение читательского спроса, эволюционирующего в область массовой периодики. На это указывают главным образом изменившиеся тиражи изданий, которые констатируют бурное развитие ежедневных органов печати и еженедельников и стагнацию или весьма скромный рост ежемесячных журналов. На возросшую роль массовой периодики указывал уже в 1879 году Салтыков-Щедрин, отмечая в статье «Приличествующее объяснение»: «Физиономия нашей литературы, за последние пятнадцать лет, значительно изменилась, и, надо сказать правду, изменилась в смысле не особенно благоприятном для развития общественной мысли. Значение больших (ежемесячных) журналов упало, а вместо них, в роли руководителей общественного мнения, выступили ежедневные газеты».²⁰

Доминирование газеты в системе прессы на рубеже веков заключается в ее преимуществах: большая аудитория (тиражи ведущих изданий варьировались от 20000 до 70000 экз.), оперативность (десять газет начала XX века имели утренний и вечерний выпуски), лаконичность и компактность материалов. Содержание же материалов газеты и толстого журнала было сопоставимым, как отмечает Е.В. Иванова, «газета в сжатом виде копировала все составляющие “толстого журнала”».²¹

19 Лукьянова И.В. Корней Чуковский. М., 2006. С. 146

20 Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. Т. 13. С. 628.

21 Иванова Е.В. Литературная критика в газетах и журналах начала XX века // Критика начала XX века. М., 2002. С. 5–6.

Газета становится привлекательной, вследствие чего наблюдается приток произведений ведущих прозаиков и поэтов в массовые периодические издания, происходит разрастание литературно-критических отделов, участие ведущих публицистов. Все это придавало вес массовой периодике и привело к всплеску интереса со стороны ведущих литераторов эпохи к этому типу изданий и широкому читательскому спросу. Обозреватель «Биржевых ведомостей», сопоставляя ежемесячник и еженедельник, отмечал: «Среди многочисленных эволюций, какие совершили последние десятилетия в литературном деле, может быть отмечена одна, внешнего свойства эволюция — устранение писательского предубеждения, долгое время существовавшего у нас в отношении еженедельного журнала. <...> Серенькие журналы преобразовались. Создалась у некоторых из них несомненная литературность. Огромны заслуги иллюстрированных журналов. Они бросили в массу классиков. Они страшно подняли писательский гонорар. <...> Пренебрежение к страницам еженедельника стало таять. Еще в самом начале 80-х годов Писемский отдал одному из таких журнальцев своих “Массонов”. Гончаров не побрезговал “Нивой”. “Воскресенье” Толстого окончательно взломало лед. В последние десятилетия рядом с именами специальных поставщиков “иллюстраций” — Полевых, Лебедевых-Морских, Авсеенок и кн. Волконских на двухстолбцовых страницах их прошли настоящие мастера литературы до Лескова и Чехова включительно».²²

В начале XX в. массовые периодические издания своей аудитории могли предложить «широкий выбор» авторов; сотрудничество известных прозаиков, поэтов и публицистов с газетами и еженедельниками стало нормой. Не найдется ни одного выдающегося литератора начала XX в., который бы не сотрудничал в массовой периодике. Свои выдающиеся произведения в газетах публиковали в разное время А.А. Блок, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, Ф. Сологуб; рассказы и повести, пьесы — А.М. Ремизов, Л.Н. Андреев, И.С. Шмелев, П.Д. Боборыкин; публицистику — Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, В.В. Розанов, А.В. Амфитеатов, В.М. Дорошевич. В газетах публиковались наряду с малыми жанровыми формами даже такие произведения, которые с сегодняшней точки зрения являются мало подходящими для этого типа изданий — драматические произведения и романы. Оригинальная беллетристика, начиная с конца XIX века, постепенно становилась неотъемлемой частью массовой периодики. В 1880-х – 1890-х гг. повести и романы в газетах были чаще всего представлены перепечатками из отдельных изданий, толстых журналов и переводными произведениями западноевропейских авторов. Но постепенно, с ростом интереса к газете в обществе, увеличением финансовых возможностей издателей (и как следствие роста тиражей) положение дел

22 Измайлов А.А. Воспоминания и мемуары: Толстый журнал и еженедельник // Огонек. 1905. № 6. С. 43–44.

резко меняется. Начиная с конца 1890-х гг. все чаще лучшие газетные полосы — «подвалы» 1–3 полос — отводятся беллетристам самых разных мастей и направлений. И.И. Ясинский, редактировавший в 1896–1902 гг. «Биржевые ведомости», вспоминал: «Тираж “Биржевых ведомостей” (господина Проппера) с 500 экземпляров дошел до 8 тысяч <...> газета сделалась доходной до такой степени, что редакция могла наконец от времени до времени покупать у авторов большие романы».²³ Ясинский, в частности, публиковавший свои произведения преимущественно в ведущих ежемесячниках («Исторический вестник», «Русский вестник», «Наблюдатель», «Северный вестник»), незадолго до своего вступления в должность редактора «Биржевых ведомостей» продал для публикации этому печатному органу роман «Нежеланные дети».²⁴

В конце XIX – начале XX века разворачивается конкуренция между различными печатными органами; ведущие издания, используя финансовые возможности и другие рычаги давления, стараются привлечь ярких публицистов и беллетристов не только в качестве временных авторов, но и постоянных сотрудников литературных отделов. Ясинский в книге мемуаров описал один из таких эпизодов: «Еще за год перед тем Сыгин накануне новогодней подписки приезжал ко мне и предлагал единовременно 12 тысяч и затем какое угодно жалованье, если я переведу свои статьи за подписью Независимый к нему в Москву в “Русское слово”, редактором которого и стану. — Я вот стою у вас у дверей, — сказал мне Сыгин, — и до тех пор не сяду, пока вы не согласитесь. Проппер не в состоянии вам платить столько, сколько я вам заплачу. Я ваши сочинения за огромные деньги куплю и издам, и подписку из “Биржевых ведомостей” мы перельем в “Русское слово”, как вот вино переливают из стакана в стакан!».²⁵ Вакантное место, от которого, согласно собственным мемуарам, Ясинскому по этическим соображениям пришлось отказаться, было занято блистательным фельетонистом XX века — В.М. Дорошевичем, редактировавшим «Русское слово» с 1902 по 1917 гг.

Борьба за авторов была следствием развернувшегося соперничества за внимание читателя, который стал «разборчивым» и отдавал предпочтение известным именам. Помимо показательных акций, массовые периодические издания принимают на вооружение всевозможные коммерческие приемы. Так, крупные столичные газеты стали сопровождать свои издания еженедельными бесплатными иллюстрированными приложениями, которые привлекали читателя не только богатым иллюстратив-

23 Ясинский И.И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т.В. Мисникевич и Л.Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 493.

24 См.: Ясинский И. Нежеланные дети: Роман в 3-х частях // Биржевые ведомости. 1-е изд. 1896. 5 окт. – 31 дек.

25 Ясинский. Роман моей жизни: Книга воспоминаний. Т. 1. С. 531–532.

ным рядом, но и новинками беллетристики, а также новостями научной и общественной жизни.²⁶ Одним из первых такое приложение появилось при газете «Новое время» (1891–1916 г.); несколько приложений выходило при газете «Биржевые ведомости» — «Новая иллюстрация» (1900–1907; 1909–1916), «Огонек» (1900–1918). Иллюстрированное приложение большого формата «Искры» (1900–1916) было составной частью газеты «Русское слово». Такие приложения имели также многие крупнейшие столичные и провинциальные издания, как «Речь», «Петербургская газета», «Петербургский листок», «Голос Москвы», «Киевская мысль», «Одесский листок» и др. Другой способ привлечения читателя был найден в редакции популярнейшего еженедельника «Нива», предоставлявшего своим читателям, оформившим годовую подписку, в качестве приложения к журналу собрания сочинений русских и зарубежных современных авторов и классиков.

Таким образом постепенно газета, начиная с 1880-х гг. становится все более значимым субъектом информационного пространства, отодвигая традиционный ежемесячник на вторые позиции. Газеты рубежа веков — это центры литературы и публицистики; между различными изданиями ведутся полемики. Новые технологии в полиграфическом ремесле, а также развитие фототехники приводит к неограниченным возможностям репродуцирования на страницах массовых изданий изобразительного ряда. Все это вкупе выводит массовую периодику на лидирующие позиции в журналистике, делает ее привлекательной для читателя эпохи «модернизации». Газета становится не только пристанищем талантливых литераторов, отдавших предпочтение массовой периодике, но и сама становится кузницей блистательных авторов эпохи Серебряного века. В тесной связи с газетой вырос талант Л.Н. Андреева, начавшего свою карьеру с сотрудничества в газетах «Московский вестник» и «Курьер». С 1902 г. Андреев становится редактором последней, сотрудничает с «Русским словом», «Биржевыми ведомостями», а с 1916 г. — в газете «Русская воля».²⁷ Именно в массовой периодике расцвел публицистический талант В.В. Розанова, а также Д.В. Filosofova, А.В. Амфитеатрова, В.М. Дорошевича, К.И. Чуковского и мн. др. В начале XX века с газетой тесно сотрудничают писатели разных школ и направлений. Деятельное участие в массовой периодике принимают как представители реалистического

26 О еженедельнике см.: *Воронкевич А.С.*: 1) Русские иллюстрированные еженедельники в XIX веке. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика, 1984. № 2. С. 32–40; 2) Русский иллюстрированный еженедельник в 1895–1904 гг. // Дисс...канд. филол. наук. М., 1986. 219 с.

27 С августа 1916 г. Л. Андреев заведовал отделом беллетристики, критики и театра в газете «Русская воля». С 13 апреля 1917 г. он согласился стать главным редактором газеты. См. переиздание статей Андреева, опубликованных в этом издании: *Андреев Л.Н.* Перед задачами времени: Политические статьи 1917–1919 гг. Benson, 1985.

направления в литературе, так и писатели-модернисты. С 1904 г. в газете «Русь» на протяжении нескольких лет сотрудничает М. Волошин, в массовой периодике активно публикует стихотворения и переводы В.Я. Брюсов, в газетах были помещены выдающиеся стихотворения А. Блока 1911–1916 гг., Вяч. Иванова, К.Д. Бальмонта, М. Волошина, целый ряд рассказов А.М. Ремизова и др. История русского символизма знает и более тесное сотрудничество писателей с массовыми изданиями. В 1914–1915 гг. В.Я. Брюсов становится военным корреспондентом газеты «Русские ведомости», а А. Белый для газеты «Биржевые ведомости» в 1916 г. пишет цикл специальных корреспонденций на актуальную военную тему, Мерещковские в 1910-х гг. — активные публицисты газеты «Речь».

Благодаря массовой периодике и «фельетонной критике» новое направление в литературе получает широкое звучание, а писатели этой школы приобретают настоящую известность. В.Я. Брюсов в своей обстоятельной автобиографии так оценивал вклад в создание его репутации массовой периодики: «Имя “Валерий Брюсов” вдруг сделалось <...> чуть ли не нарицательным. Если однажды утром я и не проснулся “знаменитым”, как некогда Байрон, то во всяком случае, быстро сделался печальным героем мелких газет и бойких, неразборчивых на темы фельетонистов».²⁸

Таким образом, рубеж веков ознаменовался появлением «нового» читателя-горожанина, интерес которого был прикован, прежде всего, к доступной и широко распространенной газете. Спрос на массовую периодику отразился на возросших тиражах массовых изданий. Газета в начале XX века перестала быть маргинальным органом печати, в котором литераторам разных направлений «зазорно» было публиковать. Ведущие литераторы охотно сотрудничали с массовой периодикой, публикации в таких изданиях воспринимались и как дополнительная возможность достойного заработка, и как один из способов общения с читателем.

ДИСКУССИЯ О СУДЬБЕ ТОЛСТОГО ЖУРНАЛА: ПРИЧИНЫ КРИЗИСА, МНЕНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ, СЛЕДСТВИЯ

Выдвижение литературно-критического фельетона на лидирующие позиции в информационной системе рубежа веков проходит параллельно с другим важнейшим процессом в русской журналистике — утратой былых позиций так называемого толстого журнала, все менее отвечающего спросам читательской аудитории и уступающего место оперативной газете.

Как отмечает Е.В. Иванова: «В 90-е годы соперницей толстого журнала становится газета, сравнительно с журналами имевшая более широкую читательскую аудиторию, что помогало критику быстро сделать имя, и потому постоянное сотрудничество в газете для многих литераторов

28 Брюсов В. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза / Сост., погот текста, послесл. и комм. В.Э. Молодякова. М., 1994. С. 74.

29 Иванова. Литературная критика в газетах и журналах начала XX века. С. 5–6.

было заветной мечтой».²⁹ Возвышение газеты, не только как важнейшего источника сведений информационного пространства о политической и общественной жизни, но и как центра литературы, критики, публицистики стало возможным по нескольким причинам.

Занимавший основополагающее место в русской журналистике, являющийся сосредоточением литературной жизни начиная с 30-х гг. XIX в. толстый журнал на рубеже XIX–XX вв. переживал переломный период. К началу 1890-х гг. ряд крупнейших ежемесячников уже были закрыты («Современник», «Отечественные записки» и др.), ряд продолжавшихся журналов переживал потерю читательского спроса, падение тиражей и другие кризисные проявления.

Литературный критик «Биржевых ведомостей», обозревая очередной выпуск ведущего столичного толстого журнала, отмечал: «“Русский вестник”! <...> От этого имени веет поэзией прошлого. Он один уцелел в борьбе с суровой действительностью <...> “Русский вестник” пережил своих врагов, но — увы! — он пережил и свою славу. Мы говорим это без всякой тени желания уязвить почтенную редакцию, — мы констатируем факт, которого, к прискорбию, нельзя не сознавать после сопоставления прошлого с настоящим. Кого винить в том, что теперь “по могилам великанов люди-карлики ползут” и на смену корифеям недавних лет пришло слишком немного достойных заместителей. Да притом и оскудение “Вестника” не является чем-либо исключительным и резко выдающимся: если в нем уже не сотрудничают Достоевские, то и в “Вестнике Европы” уже смолк Тургенев, и в других органах, среди новых народившихся сил, подвизаются не столько талантливые, сколько усердные мошки да букашки».³⁰ В своем вступлении, предваряющем снисходительный отклик на опубликованный в «Русском вестнике» малопримечательный роман кн. М.Н. Волконского «Мертвые и живые», критик «Биржевых ведомостей» акцентирует внимание на проблемах, приведших многие некогда популярные ежемесячники к кризису: неверной редакционной стратегии руководителей целого ряда изданий после естественного ухода лидеров с авансены литературного процесса, их неумение предложить читателю новые яркие имена. Как следствие, ряд крупнейших ежемесячников прекращает свое существование в начале XX века. Такая судьба была уготована и «Русскому вестнику», издававшемуся до 1906 г.; также прекратили свое существование журналы «Наблюдатель» (1882–1904) и «Северный вестник» (1885–1898).

Реакцией на обесцвечивание знаменитых органов печати было возникновение новых коллективов и создание новых органов печати, такими, стали на рубеже веков редакции журналов «Мир Божий», «Новый путь» и др.

³⁰ Измайлов А. Литературное обозрение // Биржевые ведомости. 1898. 10 июля. (№ 186). С. 2.

Особую роль в оттеснении толстого журнала на второстепенные позиции играет расцветший в начале XX века альманах. Этот тип издания, лишенный идеологической основы, под самыми разнообразными и пестрыми заглавиями организовывал беллетристов всевозможных направлений. Подводя литературные итоги 1907 г., К. Чуковский замечал: «...Громоздкий толстый журнал изнемог под собственной тяжестью, и на сцену русской литературы, вновь, через семьдесят лет, запыхавшись выбежал альманах, — случайный наездник, отчасти мародер, без мыслей, без систем, без программ, но с полными горстями беллетристики. “Знание”, “Шиповник”, “Факелы”, “Корабли”, “Проталина”, “У горна”, “Сполохи”, “Новое слово”, “Белые ночи”, “Земля”, “Жизнь”, “Стожары”, “Хризопраз”, “Цветник Ор” — вот далеко не полный список этого рода книг, широких, терпимых, вместительных, наполненных почти одними и теми же именами и совершенно свободных от каких бы то ни было попыток теоретически обосновать свое бытие, выкинуть то или иное знамя, сплотиться вокруг той или иной общей идеи. Эта эпоха альманахов характерна именно как показатель полнейшего распада литературных школ, распайки тех духовных течений, которые еще так недавно определяли русскую культурную жизнь».³¹

Литературной критика как важнейшая составляющая ежемесячника, ее роль и место в системе журналистики становится неотъемлемой частью дискурса о судьбе толстого журнала. Многостраничные обстоятельные аналитические разборы, с подробными пересказами и цитатами — тип литературно-критической статьи ежемесячника, сформировавшейся еще с 30-х гг. XIX века, все менее отвечал духу времени и повседневным запросам читателя эпохи *fin de siècle*.

Критик «Биржевых ведомостей» отмечал: «Когда-то центр и гвоздь журналистики — критика с каждым годом все более и более ступшевается, тускнеет и обесцвечивается. Лихорадочно живущий век, перенесший центр тяжести из серьезного журнала в легкомысленную газету и сильно охладевший к чистой, неприкладной литературе, предъявляет слишком слабый спрос на серьезные критические статьи. <...> Увесистые

31 Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 тт. Т. 6: Литературная критика (1901–1907): От Чехова до наших дней; Леонид Андреев большой и маленький; Несобранные статьи (1901–1907) / Предисл. и коммент. Е. Ивановой. С. 551. Анализ этих тенденций см. также в современных исследованиях: «Художественные произведения начали печататься не в журналах, а в различных альманахах, выпускавшихся многочисленными издательствами, вокруг которых группировались писатели разных направлений. Сборники издательств “Знание”, “Шиповник”, “Северные цветы”, “Скорпион” и многих других давали возможность показать свое творчество без идеологической “добавки”, привнесенной направлением журнала. Художественная литература, самые лучшие ее образцы, тоже постепенно уходила из-под обложки традиционного издания, так как там ей становилось тесно» (Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 127–128).

критические статьи по традиции появляются в толстых журналах, но заурядный читатель разрезает их последними. Они производят впечатление вымирающих ихтиозавров, уныло и скучно доживающих век. В противовес газетным критикам-лихачам, умеющим “потрафить” публике и ни на минуту не утомить ее внимания, журнальный аристарх, откликающийся на литературные явления целыми академическими трактатами, не щадит своего воображаемого читателя и водит его, как лошадь в поводу, от одной книжки журнала к другой и третьей. По существу своему журнальная критика свелась к скучным шаблонам. Она или длинно пересказывает прозаическим языком поэтические страницы с легкой руки покойного Ор. Миллера, сумевшего таким путем “создать” несколько томов “своих” сочинений, или скучно разглагольствует об историческом фоне, на котором развилось действие разбираемой книги, или, наконец, пользуясь “поводом”, заносится в метафизические выси, беспокоит тени Ницше и т.п. наиболее модных знаменитостей и изрекает пророчества о наступлении новых течений, которым никогда не суждено оправдаться. Книжки журналов бухнут, но их беременность оказывается ложною. Критика не рождает ничего и показывает только зевоту».³²

Литературная критика, тесно связанная с ежемесячником переживала переломный момент своего развития. Чуковский со свойственным ему полемическим задором, с категоричностью заявлял о вымирании критики, как рода «российской журнальной словесности»: «Как бы то ни было, старая критика умерла вместе со смертью журнальной книжки, — и, повторяю, ее нынешнее существование только яснее свидетельствует о ее смерти».³³ Измайлов, в своих фельетонах отмечал глубочайший кризис литературной критики толстых журналов, представляющей, по его мнению, «вымирающих ихтиозавров, уныло и скучно доживающих век».³⁴ При всей категоричности заявлений Чуковского и Измайлова литературная критика на страницах ежемесячников продолжала свое существование.

В то же время рождение «нового» читателя и как следствие кризис толстого журнала, а также бурное развитие информационного пространства стали причиной взлета нового явления в литературной критике — литературной критики массовых периодических изданий. Фокус внимания читателей с литературно-критических разделов ежемесячников был сдвинут в сторону газеты. Редактор сборника 1909 г. «О критике и критиках» О. Карторжинский констатировал: «...так как за небольшими исключениями журнальная критика в последнее время значительно обесцветилась, внимание читающей публики и пишущих невольно обращено на газетную критику».³⁵ Со значительным увеличением аудитории массовой

32 Измайлов. Литературные заметки. С. 1–3.

33 Чуковский. О короткомыслии. С. 538.

34 Измайлов. Литературные заметки. С. 1–3.

35 Норвежский О [Картожинский О.М.]. Было бы бойко: (Развязный критик) // О критике и критиках. М., 1909. С. 55.

прессы, существенно превышающей численность читателей элитарных изданий, газетный отклик о том или ином произведении приобретал все большее значение, поскольку он способствовал или препятствовал коммерческому успеху книги. Сдвинулся в сторону массовой периодики и интерес самих авторов: ведущие писатели предпочитали прочесть о себе и своем творчестве в газете. И.С. Шмелев в письме к А.А. Измайлову от 24 октября 1915 г. писал: «Приятно прочесть благоприятное мнение и в журнальной статье. Но еще более приятно в большой газете. Ведь тут масса, читатель оптовый, — мож<но> ск<a>з<a>ть, самый дорогой читатель. Из сотни тысяч, — а их больше, конечно, — тут столько ценнейших душ, к<ото>рые толстый-то журнал и в руках не держали. Дорого сознавать, что, б<ыть> м<ожет>, многие и не знали тебя, а теперь прикоснутся. А ведь пишешь-то как-никак для людей».³⁶

Критики-фельетонисты больших массовых изданий в начале XX века не маргиналы информационного пространства. К.И. Чуковский, А.А. Измайлов, Н.Я. Абрамович, П.М. Пильский, В.Ф. Боцяновский и др. — это заметные и влиятельные агенты литературного поля, формирующие мнение широких читательских слоев своими откликами и суждениями о книжных новинках. Газетные критики вхожи в ведущие крупные салоны, они завсегдатаи воскресных вечеров и журфиксов, адресаты переписок с авторами разных школ и направлений, желанные гости на первых прочтениях в интимном кругу новых произведений ведущих литераторов-современников.

«ФЕЛЬЕТОННАЯ КРИТИКА» В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На рубеже XIX–XX вв. критический фельетон становится неотъемлемой частью многих крупных многотиражных газет. Все увеличивающиеся тиражи изданий и возрастающая роль массовой периодики делают «фельетонную критику» ведущим направлением в этом виде словесности.

Как сами участники литературного процесса второй половины XIX — начала XX вв., заставшие расцвет «фельетонной критики», так и многие современные исследователи, определяя родовые черты критического фельетона, обращали внимание в первую очередь на качественные признаки этого жанра. Рассчитанный на широкий круг читателей репертуар художественных средств и медийных приемов критиков-фельетонистов был весьма широк: в ткань критических текстов нередко влетали пародии и парафразы; авторы статей прибегали к мистификациям, псевдони-

36 Измайлов А.А. Переписка с современниками / Сост., вступ. ст. А.С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А.С. Александрова, Э.К. Александровой, Н.Ю. Грякаловой. СПб., 2017. С. 661.

мии и приемам литературной маски;³⁷ литературный скандал мог стать причиной успеха не только автора статьи, но и самого объекта исследования. К.И. Чуковский в предисловии к книге «О Леониде Андрееве», со свойственным ему полемическим задором рассуждая о нарождающейся новой «уличной, площадной эстетике», так определял основные черты газетного фельетона: «Фельетон, как и афиша, не смеет быть вялым, не смеет шептать и интимничать, в нем напряжен каждый нерв, он весь — электричество, потому что и он пред толпой — мимолетный трибун миллионов, рожденный на уличном сквозняке».³⁸

Одно из важных качеств фельетона вообще и критического фельетона в частности — это мимолетный сиюминутный характер. Отчасти поэтому критики-фельетонисты стремились свои газетные публикации собирать в сборники,³⁹ другие материалы оставались частью рабочего процесса. Представляя свои работы в ином качестве, критики-фельетонисты представляли оригинальные теоретические построения о современном литературном процессе.

Например, А.А. Измайлов в сложнейшем потоке модернистской литературы начала XX века выделяет три направления, которые определяет в следующих терминах: импрессионистическая лирика; неoarхаизм; произведения, наполненные натуралистическими сценами.⁴⁰ Выступая со статьями о поэтах-символистах, критик отмечает характерные особен-

37 Один из примеров разобран нами в отдельной статье, см.: Александров А.С., Александрова Э.К. Позитивисты vs. Символисты (К истории восприятия одного блоковского стихотворения) // Филологические науки. 2015. № 5. С. 33–41.

38 Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7: Литературная критика. 1908–1915 / Предисл. и коммент. Е. Ивановой. 2-е изд., электронное, испр. М., 2012. С. 66.

39 Назовем лишь некоторые *Боцяновский В.Ф.*: 1) В.В. Вересаев: критический очерк (СПб., 1904); 2) Л.Н. Андреев: критический очерк (СПб., 1903); *Чуковский К.И.*: 1) «Нат Пинкертон и современная литература» (М., 1910); 2) «О Леониде Андрееве» (СПб., 1910); 3) «Книга о современных писателях» (СПб., 1914); *Измайлов А.А.*: 1) «Литературный Олимп» (СПб., 1911), 2) «Помрачение божков и новые кумиры» (СПб., 1910), 3) «Литературные портреты: Пестрые знамена безвременья» (СПб., 1913); *Амфиатов А.В.*: 1) Маски Мельпомены (Перепечатаны статьи из рубрики «Записная книжка» о театральных премьерах) (СПб., 1910); 2) Литературный альбом (Статьи о писателях 19 и 20 века) (СПб., 1904); 3) Современники (Голстой, Горький, Андреев, Айзман, Бальмонт) (М., 1908) и мн. др.

40 Об этом см. статьи: Александров А.С. Вяч Иванов в критической оценке А. А. Измайлова // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. Вып. I / под. Ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского, А.Б. Шишкина. СПб: Изд-во Пушкинского Дома, 2009. С. 417–429; Александрова Э.К. К истории взаимоотношений А.А. Измайлова и В.Я. Брюсова (По материалам переписки 1909–1917 гг.) // REOSIANAG: Journal of Institute for Russian and Altaic Studies, 2017. № 2. С. 203–228; Александрова Э.К., Александров А.С. «...Доставить минуту доброго настроения в реванш прежних огорчений» (А.А. Измайлов и В.Я. Брюсов: По архивным материалам) // Брюсовские чтения 2016 г.: Сборник статей. Ереван, 2017. С. 136–148.

ности этого направления: психологичность и тяготение к символу. Центр тяжести в сюжете, а не в округленности психологического настроения, которое покрыло быт. Со стороны формы — легкость, воздушность, каких не знала старина. Эти особенности критик относит в первую очередь к таким писателям, как В. Брюсов, А. Блок, К. Бальмонт и др.,⁴¹ определяя их поэзию как импрессионистическую лирику. Попытку установления диалога различных литературных эпох находим и в другом направлении модернистской литературы, выделенном Измайловым, — это творчество писателей-стилизаторов. Такое направление в литературе критик определяет как «неоархаизм». К нему он относил Вяч. Иванова («Эрос»), А. Ремизова («Лимонарь»), Ауслендера («Золотые яблоки»), В. Брюсова («Огненный Ангел»). Третья линия, которую выделяют Измайлов в модернистской литературе, — это произведения, наполненные натуралистическими пассажами, с самыми необузданными крайностями эротики. Это произведения, где любимой героиней стала проститутка, рассказы о «больничных койках, со всеми утонченностями беллетристических приемов, изображающих весь ход болезни», гомоэротизм. В этом ряду писателей критик выделяет произведения Арцыбашева («Счастье»), Кузмина («Крылья»), Зиновьевой-Аннибал («Тридцать три уroda»), Муйжеля («Грех»), Сергеева-Ценского («Лесная топь») и др., которым критик посвятил немало резких статей, полных сарказма.

Петр Пильский, яркий представитель «фельетонной критики», оставивший громадное и практически неизученное наследие, выстроил несколько оригинальных парадигм современной ему литературы. В ряде работ он выделял главное, по его мнению, направление новой поэзии — «мистический анархизм», вычленив в нем три ветви: декадентов (В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт), романтиков-неоархаистов (Д.С. Мережковский) и собственно мистических анархистов (Вяч. Иванов, А. Блок).⁴² В своих работах он рассмотрел многие явления современной ему литературной жизни, оставив яркие характеристики современников.⁴³

Подобного рода построения находим также в работах К.И. Чуковского, Н.Я. Абрамовича, В.Ф. Боцяновского и др.

При всей ориентации на легкость жанра критический фельетон не отменял серьезного разговора о литературе, о новинках книжного рынка и современных процессах художественной жизни. Критики-фельетонисты были первыми читателями литературных новинок и становились

41 См. подробнее: Александров А.С., Александрова Э.К. К.Д. Бальмонт и А.А. Измайлов: из истории взаимоотношений // Русские поэты XX века: материалы и исследования. Константин Бальмонт (1867–1942) / Отв. ред. Г.В. Петрова. М., 2018. С. 412–426.

42 См. подробнее: Абызов Ю.И., Исмагулова Т.Д. Пильский Петр Моисеевич // Русские писатели 1800–1917. Т. 4. М., 1999. С. 601.

43 См. его «Критические статьи» (Т. I. Т. II. СПб., 1910) и дав меткие определения целому ряду направлений словесности («Будуарная литература» (о творчестве А.А. Вербицкой, Н.И. Петровской); «половые авторы» (о М. Кузмине).

пионерами в интерпретации новоизданных произведений. Здесь бывали промахи и ошибки, в то же время нередко верные интерпретации, вплоть до реконструкции отдельных авторских смыслов, не утратившие до сего дня своей актуальности. Таковые находим в работах К.И. Чуковского о Блоке, Л. Андрееве, А.А. Измайлова — о В.В. Розанове, В.Я. Брюсове, Л.Н. Андрееве, А.М. Ремизове; парадоксальны фельетоны В.В. Розанова о современной ему литературе; несомненный историко-литературный интерес представляют фельетоны А.В. Амфитеатрова, В.Ф. Боцяновского и др.

В качественном отношении критические фельетоны стоит признать крайне нестабильным жанром. В одном и том же издании от номера к номеру они, сопоставимые с серьезной, обстоятельной передовой статьей, с глубоким анализом художественного произведения, вполне могли соседствовать с крайне слабыми материалами. Качество фельетонных материалов зависело и от авторства, от конкретного издания и места издания.

Между тем литературно-критический фельетон, к началу XX века сложившийся как раздел в массовой периодике, имел четкие формальные признаки. Как правило, в газетах рубежа XIX и XX веков он представлял собой «подвал» газетного листа, в зависимости от издания имел фиксированное название и выходил с определенной периодичностью. Литературная критика в массовых изданиях не ограничивалась ведением еженедельного фельетона. В связи с усложнением внешнего облика газеты, появлением разветвленной рубрикации, с одной стороны, с другой — с ростом художественной продукции и с увеличением потребности обновления различного рода информации о книжных новинках, новостях художественной литературы и событиях литературного мира, массовые издания вводили разнообразные рубрики, где освещались новости литературной жизни, отмечалось появление книжных новинок, публиковались юбилейные и некрологические материалы и т.д. Газета начала XX века давала большой простор для выбора позиции размещения того или иного материала. Например, в письме от 30 июня 1904 г. А.В. Амфитеатров, в этот период тесно сотрудничающий с редакцией газеты «Русь», писал редактору издания А.А. Суворину: «Прилагаемую статейку надо бы поставить фельетоном, а то наверх она громоздка. Если Вы против того, чтобы рубрику ставить в фельетон, то оставьте лишь подзаголовок “Мысли о поэтах”». ⁴⁴ Критический фельетон в газете, ставший основным жанром массовой периодики, фактически ставший альтернативой литературно-критической статье ежемесячника, представлял собой достаточно объемный и обстоятельный материал. Его фиксированное «подвальное» положение в газете связано с историей происхождения, восходящей к 1800-м годам. В «Jornal das Débats» был введен дополнительный «листок» (отсюда и происхождение слова, фр. *feuilleton*, от *feuille*

44 Письмо А.В. Амфитеатрова к А.А. Суворину от 30 июня 1904 г. // РО ИРЛИ. Ф. 409. Оп. 2. Ед. хр. 21. Л. 46.

— «лист», «листок»), содержащий информацию самого разнообразного характера, а подписка на газету оформлялась в двух видах с «фельетоном» и без него.⁴⁵

Впервые на эту особенность фельетона в истории отечественной литературы обратили внимание представители формальной школы, И. Груздев в статье «Техника газетного фельетона» писал: «Фельетон отстоялся в виде литературной или политической статьи особого стиля (Амфитеатров, Дорошевич, Буренин, Меньшиков, Василевский-Буква и др.). В отделе “фельетон”, под чертой, шли рядом: научная статья, рассказ, стихи, корреспонденция, — т.е. продолжал существовать первобытный синкретизм; при этом совершенно однородный материал, помещенный под чертой, был фельетоном, помещенный вне черты — не был фельетоном. То, что когда-то было принципом построения, стало приемом газетной верстки».⁴⁶

Статьи, не вписывающиеся в этот формат, публиковались в рубрике «маленький фельетон» или специальных разделах издания, призванных освещать новости литературной жизни. Один из ведущих критиков газеты «Русское слово» А.А. Измайлов в 1912 г. в связи с новой редакционной политикой издания был вынужден перейти на новый формат своих материалов — от критика потребовали более сжатых текстов. Отсылая обновленный материал в редакцию, сотрудник московского издания писал редактору газеты Ф.И. Благову: «Повидавшись с В.М. Дорошевичем и выяснив необходимость сокращения размеров статей, я буду отныне доставлять вещи не фельетонного былого тона, а малые — по поводу наиболее значит<ельных> явлений и совсем мелочи — о явлениях менее заметных. Мелочи В<ласий> М<ихайлович> предполагает ставить и в отделе “Иск<усство>, наука, лит<ература>”».⁴⁷ Не фельетонные отделы многочисленных периодических изданий, призванные освещать всевозможные новости литературной жизни, были постоянными рубриками — это «Литературная хроника», «Литературные мелочи», «Литературные мелочишки», «Хроника литературной жизни», «В литературном мире», «В литературном мирке», «Искусство, наука, литература» и пр.

Каждое крупное периодическое издание имело целую группу рубрик, призванных с разной степенью обстоятельности освещать события литературного мира. В «Биржевых ведомостях», например, помимо регулярного фельетона литературно-критического отдела «Литературного обозрения» (в разные годы — «Литературные заметки», «Темы и парадоксы») существовали небольшие отделы на разные литературные темы:

45 Томашевский Б.С. У истоков фельетона: (Фельетон в «Jornal das Débats») // Фельетон. Сб. ст. Л., 1927. С. 59–71.

46 Груздев И. Техника газетного фельетона // Там же. С. 14.

47 Письмо А.А. Измайлова к Ф.И. Благову от 9 мая 1912 г. // РГБ. Ф. РС. Карт 14. Ед. хр. 68. Л. 23–24 об.

«Литература», «В литературном мире», «Литературный календарь» и др. В свою очередь, рубрика «В литературном мире» содержала небольшие заметки не только о собственно литературных новостях, но о литературной жизни в широком смысле: информация о книжных новинках и новых постановках соседствовала со скандальными темами, сплетнями, непроверенными фактами. Особенности этой рубрики требовали и особой манеры письма — афористичного языка, броских сравнений, тонкой, или, напротив, нескрываемой иронии.

Появление рубрики «Литературный календарь» связано с расширением литературного рынка, со стремлением осветить максимальное количество литературных событий и дать сведения обо всех появляющихся новинках. Соответственно, газетчики с целью привлечения подписчиков стремились дать широкому читателю информацию о культурной жизни, в том числе о периферийных и маргинальных ее явлениях (в частности, о жизни художественной богемы), оперативно, броско, интересно, но порой и с явным перехлестом. Название литературно-критической рубрики ведущего издания Петербурга — «Литературный календарь» — фиксировало эту установку на всеохватность и регулярность предлагаемой читателю информации. Материалы подобных разделов подчас носили скорее новостной и публицистический характер, а содержащаяся в них информация, представляя несомненный историко-литературный интерес, не всегда являлась сугубо критическим материалом.

Журналисты начала XX века все небольшие по объему материалы относили к «статьям» или «рубрикам». Критик Измайлов в 1910-е гг. отвечавший за юбилейный раздел в газете «Русское слово», писал редактору издания Благову: «20-го сего м<еся>ца юбилей судебных учреждений, — вероятно, Вы позволите к этому дню прислать статью (м.б., фельетон?) о превосходной новой книге Кони?».⁴⁸ А в 1915 г., пытаясь дополнительным материалом прорекламировать готовящуюся к изданию собственную книгу о Чехове, спрашивал: «В издании Ивана Дмитриевича на днях выходит 5-й том переписки Чехова. Вот, кажется, одна из возможностей для меня дать фельетон или статейку, какая была бы прочтена и в нынешние дни».⁴⁹ В моменты острой социальной напряженности и в периоды глубокого кризиса в международной повестке дня (приведенные письма Измайлова были написаны в разгар начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны) критикам-фельетонистам приходилось невольно сокращать свои материалы, ужимать их до статей в 100–200 строк, уступая ценное фельетонное место публицистическим материалам на «злобу дня».

48 Письмо А.А. Измайлова к Ф.И. Благову от 10 ноября // РГБ. Ф. РС. Карт. 14 № 69. Л. 17 об. В письме речь идет об издании: *Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы: (К пятидесятилетию судеб. уставов)*. 1864 — 20 ноября — 1914. М., 1914. 296 с.

49 Письмо к Ф.И. Благову от 25 января 1915 г. // РГБ. Ф. РС. Карт. 14 № 69. Л. 23.

На фоне подобной редуцированной продукции периодических изданий и в условиях избытка информации фельетон уже на рубеже веков перестает быть легковесным маргинальным жанром, и становится, как правило, наиболее развернутым, передовым материалом газетной полосы, а подвал второй и третьей полосы газетного листа является самым желанным местом журналистов и самой читаемой частью многотиражного издания. Этот раздел газеты давал наиболее обстоятельные материалы о вышедших произведениях современников в периодических изданиях, о книжных новинках, обзоры альманахов и сборников поэзии, о новинках западноевропейской литературы; анализ наиболее ярких событий года приводился в фельетонах новогодних выпусков и т.д.

А.А. Измайлов, отправляя очередной фельетон в газету «Русское слово», в сопроводительном письме редактору издания Ф.И. Благову от 25 июня 1914 г. сообщал: «Не посердитесь на мое непослушание. Вместо 200 строк, я посылаю Вам огромный фельетон. Если невозможное — невозможно, то прошу Вас только взять из него наиболее интересное, расправляясь с моим текстом, как угодно, лишь бы оригинал был мне возвращен для использования в книге. Но у меня тлеет надежда и на другой исход. Возможно, что Вы ждали моих размышлений о провале “Чайки”, — вещи известной и преизвестной. Из оригинала Вы увидите, что это *совершенно новая глава* в невыполненную еще биографию Чехова, что никто никогда не перетряхал старых газет, относящихся к этому моменту чеховской жизни, что отсюда впервые почитатель Чехова увидит, какой раны Чехов все не мог забыть. И, может быть, в виду этих соображений, мой фельетон подвергнется не столь уже губительным сокращениям».⁵⁰

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Фельетонная критика» в начале XX века предоставляла собой серьезное и масштабное направление в литературном процессе. Зародившейся в газетной журналистике во второй половине XIX века литературной критике массовой периодики предстояло завоевать читателя, который о новинках литературного мира предпочитал узнавать из обстоятельных разделов господствовавшего в то время толстого журнала. В борьбе за читателя представителям газетного мира приходилось прибегать к всевозможным стилистическим приемам; забота о развлечении читателя порой превалировала над содержательной стороной материалов. Отчасти поэтому «фельетонная критика» и в начале XX часто воспринималась негативно, само понятие было дискредитировано в общественном сознании. В 1909 г. Л. Гроссман в своем фельетоне «О новой критике» писал: «Печальна судьба слова “фельетон”! У нас ему сразу не повезло. Оно принадлежит к числу тех невинных и безобидных выражений, которые вдруг, по каким-то та-

50 РГБ. Ф. РС. Карт 14. Ед. хр. 69. Л. 1–2 об.

инственным причинам начинают служить целям позорного клеймения. В применении к журнальному критику это слово превратилось почему-то в оскорбительнейшее выражение, в буквенное воплощение идейной легковесности, беспринципности, пошлости и всякого невежества. Когда недавно в петербургском литературном обществе г. К. Чуковский прочел доклад о Гаршине, — один из участников прений, крайне недовольный прочитанным докладом, подробно высказал причины своего неудовольствия <...> — Хлесткий фельетон, которому место в газете. <...> Выслушав негодующие возражения своего оппонента г. Чуковский решил выступить в защиту фельетона. — Я горжусь тем, что я фельетонист — заявил референт в ответ на обвинения своих противников. — Фельетон — трудная и очень ответственная литературная форма».⁵¹ Закрепившиеся негативные оценки «фельетонной критики» в общественном сознании резко диссонируют с пониманием этого явления в дискурсивной практике самих журналистов, считавших фельетон наиболее обстоятельным и содержательным разделом газеты.

Значение «фельетонной критики», долгие годы (по большей части из-за идеологических установок, т.к. этот тип критики был связан с массовыми буржуазными, частными изданиями) считавшееся явлением малозначительным, «эклехтичным», рассчитанным на массового читателя, только в последнее время в литературоведении стало переосмысляться. С введением в научный оборот неизвестных эпистолярных материалов, публикацией комментированных работ критиков, в том числе и собраний сочинений (например, Собр. соч. К.И. Чуковского в 15 тт.) стало рельефно вырисовываться очевидное непреходящее значение этого типа критики. Впервые именно в «фельетонной критике» мы находим столь современные сегодня аналитические построения, рассматривающие литературу как социальный институт: реплики о рождении нового читателя, выстраивание литературных иерархий, рассуждения о литературных репутациях, успехе писателя и пр. — все эти понятия, широко анализируемые в начале XX века, актуальны в современном литературоведении. Важное значение сохраняют теоретические построения критиков-фельетонистов, интерпретации художественных произведений, а также статьи, широко востребованные массовой периодической печатью (интервью, портреты, рецензии, беллетристические репортажи и пр.), доносящие «живой» голос авторов эпохи.

Литературная критика массовых периодических изданий является, на наш взгляд, важнейшей парадигмой в системе других парадигм в литературной критике конца XIX – начала XX века (таких, как марксистская критика, символистская критика, имманентная критика и пр.), явлением, недооцененным и малоисследованным, которому еще предстоит занять свою особую нишу в истории русской литературы.

51 Гроссман Л. О новой критике // Одесские Новости. 1909. 23 окт. (№ 7947). С. 2.